

УЧРЕЖДЕНИЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
РАН

**ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ
СОТРУДНИЧЕСТВА
РОССИИ С США/НАТО
В СФЕРЕ ПРОТИВОРАКЕТНОЙ ОБОРОНЫ**

МОСКВА
ИМЭМО РАН
2011

УДК 327.37
ББК 66.4(0)
Проб 781

Ответственный редактор – В.И. Трубников

Авторский коллектив: Е.П. Бужинский, Ф.Г. Войтоловский, В.З. Дворкин, В.И. Есин, В.В. Корабельников, В.И. Трубников

Проб 781

Проблемы и перспективы сотрудничества России с США/НАТО в сфере противоракетной обороны / Отв. ред. – В.И. Трубников. – М.: ИМЭМО РАН, 2011. – 43 с.

ISBN 978-5-9535-0308-2

Доклад подготовлен в рамках реализации проекта Евроатлантическая инициатива в области безопасности (EASI), инициированного Фондом Карнеги за Международный мир. Инициатива реализуется группой видных политиков и экспертов из России, США и Европы с целью разработки предложений по новой архитектуре безопасности на евроатлантическом пространстве. Основным партнером в России является ИМЭМО РАН.

Исследование посвящено одной из важнейших проблем отношений России с США/НАТО в военно-политической области – возможному сотрудничеству в сфере противоракетной обороны (ПРО). В авторский коллектив вошли военные-профессионалы, специалисты в области национальной и международной безопасности, а также политологи-международники – эксперты ИМЭМО РАН и других организаций. Авторы рассматривают различные аспекты подходов США/НАТО и России к созданию систем ПРО, а также их возможной интеграции. Выявляются и анализируются основные политические и некоторые военно-технические противоречия в позициях сторон и препятствия, стоящие на пути сотрудничества.

The report “Problems and prospects of Russia – US / NATO cooperation in the sphere of ballistic missile defense” was prepared under the auspices of Euro-Atlantic Security Initiative (EASI). The EASI project was launched by the Carnegie Endowment for International Peace and is implemented by a group of prominent politicians and experts from Russia, the USA and Europe with the goal to elaborate proposals on the new Euro-Atlantic security space. IMEMO is the key partner of the project in Russia.

The study is covering one of the most significant military-political issues of relations between Russia and the US/NATO – perspectives of ballistic missile defense (BMD) cooperation. The group of authors includes military professionals, specialists in national and international security and international politics from IMEMO and other organizations. The authors are studying different aspects of Russian and the US/ NATO approaches towards building and possible integration of BMD systems, and identifying and analyzing principal political and some military-technical contradictions, and other obstacles to cooperation.

В приложениях использованы иллюстративные материалы
Министерства обороны России

Публикации ИМЭМО РАН размещаются на сайте <http://www.imemo.ru>

ISBN 978-5-9535-0308-2

© ИМЭМО РАН, 2011

Содержание

Введение	5
1. Эволюция проблемы ПРО в отношениях РФ с США и НАТО	7
2. Американские подходы к созданию Европейского сегмента систем ПРО.....	12
3. Позиции России относительно сотрудничества с США/НАТО в области ПРО.....	20
4. Возможные ракетные угрозы и опасность ЕвроПРО США/НАТО для СЯС России.....	24
5. Потенциальный вклад России в систему ПРО в Европе	30
6. Организационные особенности возможного сотрудничества в области ПРО.....	32
Заключение	37
Приложения.....	41

Введение

В 2009 – 2011 гг. возможная перспектива сотрудничества России с США и НАТО в сфере противоракетной обороны (ПРО) стала одной из важнейших проблем европейской и международной безопасности. Уникальность самой ситуации, возникшей в связи с возможностью такого сотрудничества, в том, что впервые был начат диалог между РФ и США/НАТО, базирующийся не на традиционном подходе к сокращению и ограничению вооружений, выработанном в годы «холодной войны», и вынужденно преобладающем до сих пор, а на качественно новых политико-психологических основах взаимодействия. Впервые в истории отношений обеими сторонами была сформулирована сама задача выработки таких алгоритмов совместных действий в чувствительной военно-политической сфере, которые базируются не на противостоянии, не на логике взаимного сдерживания, а на принципиально новом целеполагании – совместной защиты от вероятных общих внешних угроз. Беспрецедентный характер также носит формат обсуждения на официальном политическом уровне, в том числе высшем, между РФ и США/НАТО вопросов создания совместной ПРО в Европе. Сам факт такого взаимодействия является зримым индикатором изменений в восприятии сторонами друг друга. Вопрос о том, насколько устойчивой окажется мотивация российских, американских и европейских военно-политических элит идти на взаимные уступки, формируя практические основы для развития взаимосвязанной системы ПРО в Европе, остается открытым.

В 2010 – 2011 гг. перспективы и предполагаемые модели создания системы ПРО в Европе США/НАТО с участием России оказались в центре напряженного переговорного процесса. Предметом острых дебатов стали политические, идеологические, военно-технические и международно-правовые вопросы, связанные с возможным созданием совместной системы. Активный диалог по этим вопросам развернулся на уровне глав государств, министерств обороны и иностранных дел, специальных представителей, а также на уровне экспертно-политического сообщества и средств массовой информации. Наряду с международными переговорами, контактами и консультациями, горячие дискуссии разгорелись внутри участвующих в обсуждениях стран – в США, в других странах НАТО – потенциальных партнерах в создании будущей системы в различных качествах, а также в России. Для каждой из сторон многие политические выводы, которые могут быть сделаны по итогам первого этапа обсуждений вероятных сценариев многостороннего сотрудничества, связаны с целым рядом острых внутривнутриполитических и экономических вопросов. Переговорный процесс о перспективах и формах сотрудничества в сфере ПРО крайне осложнен тем, что в России, США и многих странах НАТО тема получает чрезвычайно

политизированное толкование. Это обусловлено столкновением различных внутренних политически, идеологически и экономически мотивированных групп интересов, выступающих как за сотрудничество, так и против него. Существенную роль при этом играет и значительный негативный опыт, накопленный сторонами в связи с проблемой ПРО и действиями США в этой сфере за последние годы.

Начавшийся диалог по ПРО, в случае его успеха, и реализации той или иной схемы сотрудничества, может привести к существенным изменениям концептуального и военно-политического характера в области обеспечения безопасности каждой из сторон, а также во взаимодействии между ними. Успех сотрудничества в сфере совместной защиты от перспективных ракетных угроз может значимо трансформировать целеполагание руководства России, США и НАТО при расстановке приоритетов военного планирования и строительства, выработке структуры оборонных расходов, а главное - сформировать фундамент и благоприятный климат для качественно новых отношений между прежними противниками – климат доверия. Это могло бы позволить всем сторонам-участникам такого взаимодействия не только еще дальше продвинуться от психологии конфронтации к созданию устойчивых механизмов партнерства, но и сэкономить значительные финансовые и иные средства, которые могут быть затрачены в связи с новой гонкой вооружений в области создания систем ПРО и средств их преодоления.

Цель предлагаемого исследования – представить взвешенный анализ политических и военных аспектов динамики развития диалога между РФ и США/НАТО о сотрудничестве в сфере ПРО. Авторы ставили своей задачей не только изучение предшествующего опыта и текущего состояния взаимодействия России с США и НАТО по вопросам ПРО в контексте тех политических условий, на которых настаивают стороны, но и выявление возможных реальных перспектив осуществления такого сотрудничества. Мы стремились выявить как возможные выгоды, так и потенциальные потери нашей страны, связанные с развитием кооперации с США и НАТО в области противодействия ракетным угрозам или отказом от нее.

В авторский коллектив вошли военные-профессионалы, специалисты в области национальной и международной безопасности, а также политологи-международники – эксперты ИМЭМО РАН и других российских организаций. Авторы данной брошюры принимали непосредственное участие в международных экспертных консультациях по ПРО в рамках специализированной рабочей группы Евroatлантической инициативы в области безопасности (EASI).¹

---

¹ Публикации, подготовленные в рамках реализации Евroatлантической инициативы в области безопасности см. на сайте ИМЭМО РАН: <http://www.imemo.ru/ru/mppr/easi/publ.php>.

1. Эволюция проблемы ПРО в отношениях РФ с США и НАТО

Инициатива в создании систем ПРО в Европе закономерно принадлежит США. Они обладают колоссальными технологическими, финансово-экономическими и военно-организационными возможностями в области ПРО, несопоставимыми со всеми остальными членами НАТО вместе взятыми. Политическая и военная задача создания систем обнаружения и перехвата баллистических ракет различной дальности – противоракетной обороны (ПРО) - на протяжении нескольких десятилетий составляет важную часть внешнеполитической и военно-экономической повестки дня руководства США. Она будет оставаться важной компонентой американского военно-технологического развития и политики в сфере обороны и безопасности на обозримую перспективу. Более того, значимость ПРО в этих сферах в последние десятилетия имеет устойчивую тенденцию к возрастанию. Однако формы реализации политики Вашингтона в области ПРО варьируются.

Традиционно проекты создания систем ПРО в большей степени были сферой интересов и внимания республиканских администраций. В 2001 г. администрация Дж. Буша-младшего заявила об одностороннем выходе из советско-американского Договора об ограничении систем противоракетной обороны 1972 г. Этот шаг вызвал негативную реакцию со стороны РФ. Он положил начало курсу американского руководства на создание глобальной системы ПРО, которая должна была включать в себя элементы наземного, морского, воздушного и космического базирования. Такая система должна была в перспективе обеспечить эшелонированную защиту территории США, их союзников в различных регионах мира, а также американских войск, размещенных за рубежом, от всех типов ракетных угроз, включая стратегические. Третий позиционный район этой системы, размещение которого было намечено в Европе, призван обеспечить безопасность европейских союзников США по НАТО, а также американских войск, размещенных в странах-членах блока.

Меры по развертыванию первых объектов третьего позиционного района стратегической системы ПРО США в виде десяти ракет заатмосферного перехвата ГБИ (GBI) в Польше и радиолокационного комплекса в Чехии были крайне негативно восприняты Россией, которая интерпретировала эти намерения США как шаг в направлении создания системы ПРО, способной ограничить возможности стратегических ядерных сил (СЯС) РФ. Кроме факторов военно-стратегического характера, такая реакция была обусловлена психологическим и политическим неприятием политической и военной элитой, а также широкой общественностью России развертывания объектов США и НАТО вблизи российских границ. Возникла основа для

резкого и глубокого снижения уровня доверия в отношениях России и США/НАТО и ухудшения отношений.

Вашингтон инициировал объединение этой системы с системами противоракетной обороны на театрах военных действий Альянса (ПРО ТВД НАТО). Американские планы и действия в связи с программой развития стратегической ПРО получили поддержку со стороны руководства блока и стран-членов НАТО. Это фактически свело на нет многолетние усилия по выработке принципов и механизмов сотрудничества между Россией и НАТО по ПРО ТВД, которые предпринимались в течение 10 предшествовавших лет. Последние совместные компьютерные учения по моделированию взаимодействия систем ПРО ТВД России и НАТО прошли в январе 2008 г. Однако обозначенная на саммите НАТО в Бухаресте весной 2008 г. позиция Альянса в пользу будущего объединения систем ПРО НАТО и третьего позиционного района ПРО США в Европе в единую архитектуру крайне затруднила диалог по этим вопросам в рамках Совета Россия – НАТО (СРН). Сотрудничество между РФ и НАТО по ПРО ТВД окончательно застопорилось с осени 2008 г. – после августовского «кавказского кризиса».

Российская позиция в грузино-югоосетинском конфликте вызвала резкую реакцию США и НАТО и обусловила временное свертывание военного сотрудничества по линии СРН, в том числе и по вопросам ПРО ТВД. После этого конфликта экспертные консультации и командно-штабные учения по ПРО ТВД так и не были возобновлены вплоть до настоящего момента. Восстановлению сотрудничества в первые месяцы после кавказского кризиса препятствовала не только жесткая позиция уходящей республиканской администрации США, но и болезненная реакция восточноевропейских членов НАТО. Несмотря на заявления администрации Дж. Буша-младшего о том, что ни глобальная стратегическая ПРО, ни её третий позиционный район в Европе не создаются с целью противодействия российским СЯС, элиты стран намеченного размещения ПРО и других государств Восточной Европы видели свое участие в ней преимущественно в контексте «сдерживания России».

Ситуация начала динамично меняться после прихода к власти в США в 2009 г. демократической администрации Б. Обамы. Для нового руководства США курс на «перезагрузку» отношений с Россией стал одним из важнейших и потенциально наиболее успешных внешнеполитических приоритетов. Взятый обеими сторонами курс на подписание нового договора о сокращении стратегических наступательных вооружений способствовал возобновлению диалога и по ряду других вопросов международной безопасности.

Возрождению обсуждения проблемы ПРО способствовал отказ администрации Б. Обамы от планов республиканцев по развертыванию стратегической ПРО, включая передовые элементы архитектуры третьего позиционного района в Европе. Это решение было по-разному

встречено европейскими союзниками Вашингтона. Ведущие страны Западной Европы в целом позитивно оценили эти подвижки в стратегии США. Однако значительная часть политического истеблишмента восточноевропейских членов НАТО первоначально восприняла изменения преимущественно негативно. Лишь после того, как американское руководство развернуто охарактеризовало свои намерения по созданию архитектуры систем ПРО и обозначило готовность к более активному вовлечению в процесс союзников по НАТО, позиции Польши, Чехии и других стран Восточной Европы несколько смягчились. Тем не менее, они продолжили крайне сдержанно оценивать стремление американского руководства наладить диалог с Россией по вопросам ПРО и, тем более, начать сотрудничество.

Вскоре после изменения подходов Вашингтона к вопросу о ПРО Североатлантический альянс также совершил разворот в сторону восстановления диалога с Россией по этой тематике. Уже в апреле 2009 г. в ходе саммита НАТО в Страсбурге и Киле была заявлена готовность Альянса сотрудничать с РФ в сфере ПРО. На саммите было официально декларировано возобновление сотрудничества с Россией по всем политическим и военным вопросам.² Намерение развивать сотрудничество в области ПРО было обнародовано на встрече президента США Б. Обамы с президентом России Д.А. Медведевым в Москве в июле 2009 г.³

В феврале 2010 г. администрация Б. Обамы приняла в качестве альтернативы проекту глобальной стратегической ПРО «Поэтапный адаптивный подход» (Phased Adaptive Approach). Его основы были изложены в открытом «Обзоре противоракетной обороны», где особое внимание уделялось приложению принципов адаптивного подхода к созданию ПРО в Европе.⁴ В документе была зафиксирована готовность США развивать сотрудничество в области ПРО с Россией. В отличие от плана республиканской администрации, который был сразу ориентирован на создание стратегической системы, новый подход предполагает поэтапный (4 этапа) характер развертывания архитектуры ПРО, который должен отвечать темпам и характеру нарастания уровня ракетных угроз.

По современному замыслу Агентства по ПРО Минобороны США предполагается постепенное формирование системы обороны территории самих США, а также их союзников в Европе и в Азиатско-Тихоокеанском регионе от баллистических ракет всех классов, включая

---

² См.: Strasbourg / Kehl Summit Declaration. Issued by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Strasbourg/Kehl on 4 April 2009. / http://www.nato.int/cps/en/natolive/news_52837.htm

³ Совместное заявление Президента Российской Федерации Д.А.Медведева и Президента Соединенных Штатов Америки Б.Обамы по вопросам ПРО. 6 июля 2009 г. / http://news.kremlin.ru/ref_notes/35

⁴ Ballistic Missile Defense Review Report. Department of Defense. February 2010., p. 24-25, 31-32.

в перспективе и стратегические. Вашингтон надеется достичь эффективности такой системы благодаря постепенному размещению на земле, на море и в космосе систем предупреждения и слежения, а также поражающих противоракетных средств морского, наземного и воздушного базирования.⁵ Первые два этапа реализации Поэтапного адаптивного подхода ориентированы на получение системы, способной перехватывать баллистические ракеты малой, средней и промежуточной дальности (до 5500 км). Достижение возможностей по перехвату стратегических ракет отложено на третий (2018 г.) и четвертый (2020 г.) этапы и увязано с динамикой развития ракетных угроз.* Открытыми остаются вопросы о наличии технических и финансовых возможностей у Вашингтона и его союзников для решения этих задач в указанные сроки. В то же время закономерную озабоченность российской стороны вызывает нацеленность «Поэтапного адаптивного подхода» США на то, чтобы выйти в итоге на создание системы перехвата в том числе и стратегических ракет, а значит - в перспективе на возможное ограничение, пускай и частичное, возможностей российских СЯС.

Новый подход США к реализации планов создания систем ПРО получил поддержку со стороны союзников на саммите НАТО в Лиссабоне в ноябре 2010 г. Одновременно на заседании СРН, в котором принял участие президент России Д.А. Медведев, была достигнута договоренность о развитии сотрудничества между Россией и Альянсом при создании систем ПРО. Это намерение было зафиксировано в итоговых документах лиссабонского саммита СРН и НАТО.⁶ Однако между РФ и США/НАТО не достигнуто согласия относительно принципов распределения зон ответственности и облика той системы ПРО, которая должна возникнуть в будущем как результат сотрудничества. Российские предложения, впервые высказанные в 2010 г. на Лиссабонском саммите СРН Президентом РФ Д.А. Медведевым, построить совместную систему на «секторальном принципе», при котором стороны могли бы осуществлять перехват ракет на тех направлениях, на которых они обладают наилучшими возможностями для этого, не нашли поддержки у Альянса.⁷

---

⁵ Подробнее о перспективах американской системы ПРО см.: Ядерная перезагрузка: сокращение и нераспространение вооружений / Отв. ред. Дворкин В.З., Арбатов А.Г. –М.: РОСПЭН. 2011 г., с. 192 – 197.

* См. Приложение № 1.

⁶ NATO – Russia Council Joint Statement. at the meeting of the NATO-Russia Council held in Lisbon on 20 November 2010. / http://www.nato.int/cps/en/natolive/news_68871.htm; Lisbon Summit Declaration. Issued by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Lisbon. 20 November 2010. / http://www.nato.int/cps/en/natolive/official_texts_68828.htm.

⁷ См.: Пресс-конференция Д. Рогозина и Н.Бордюжи, 18 апреля 2011 г., Брюссель. / <http://natomission.ru/cooperation/current/show/205/>; Выступление Д.О.Рогозина на конференции Института Восток-Запад по противоракетной обороне. 30 марта 2011 г., Брюссель. / <http://natomission.ru/security/article/security/artpublication/107/>

В ходе следующего саммита СРН, прошедшего в Сочи в июле 2011 г., и вскоре после него генеральный секретарь НАТО Андрес Фог Расмуссен дважды подчеркнул, что считает сотрудничество по созданию «взаимодействующих» систем ПРО НАТО и России одним из важнейших направлений развития отношений. Он также повторил заверения в том, что создаваемая в Европе система ПРО США/НАТО не направлена против России, и высказался о возможности создания центра обмена данными как наиболее реального совместного элемента архитектуры.⁸ Его выступление было ответом на неоднократно заявленное российской стороной требование документально зафиксированных гарантий от США и НАТО в том, что система ПРО, создаваемая в Европе, не будет нацелена на противодействие российским ядерным силам. В сентябре 2011 г. о готовности Франции инициировать в НАТО достижение договоренности о предоставлении России таких гарантий высказался французский министр иностранных дел А. Жюппе во время своего визита в Москву. Однако руководство США – ключевого архитектора и ведущего строителя будущей системы ПРО в Европе - выражает гораздо меньшую готовность предоставлять России какие-либо гарантии. Даже если бы администрация Б. Обамы оказалась готова достичь какой-либо договоренности по этому вопросу, такого рода инициативы встретили бы жесткое сопротивление в Конгрессе, прежде всего, со стороны республиканцев. В условиях начинающейся президентской предвыборной кампании в США администрация Б. Обамы, скорее всего, не решится даже на открытое обсуждение самой возможности предоставления гарантий ненацеленности на Россию создаваемой системы ПРО в Европе. Американская политическая элита, вне зависимости от ее партийной принадлежности, вообще традиционно мало склонна к поддержке заключения каких-либо обязывающих соглашений, которые хоть как-то ограничивают свободу действий США в сфере безопасности и обороны. Поэтому, вероятнее всего, само обсуждение такого рода гарантий России будет вестись сугубо по линии СРН.

В сентябре 2011 г. заместитель министра обороны США А. Вершбоу в ходе визита в Москву представил новые предложения по взаимодействию в области ПРО. Американская сторона предложила создать две автономных системы ПРО, которые могли взаимодействовать друг с другом посредством двух структур сотрудничества. Во-первых, на основе центра обмена данными с российских и натовских радаров и сенсоров, в том числе наземных и космических. Во-вторых, на базе второго центра, работа которого была бы нацелена на совместное планирование и координацию работы ПРО. Американские предложения подразумевают обслуживание центров российско-американскими боевыми расчетами, разрабатывающими

---

⁸ Andres Russia and NATO: so much to gain. Speech by NATO Secretary General Anders Fogh Rasmussen at the Kuznetsov Naval Academy in St. Petersburg. 05 Jul. 2011 / http://www.nato.int/cps/en/natolive/opinions_76061.htm

совместные планы поведения при разных сценариях ракетного нападения на Россию или страны НАТО.⁹

Новые предложения Вашингтона вносят большую ясность в вопрос о том, в каких формах США готовы сотрудничать. Однако вопросы о перспективах и формах взаимодействия России с США/НАТО в сфере ПРО, а также о возможных гарантиях НАТО для России остаются открытыми. Они должны стать одними из ключевых в повестке дня саммита СРН в Чикаго весной 2012 г.

---

⁹ «Мы способны поженить натовскую систему ПРО с российской». Интервью с замглавы Пентагона Александром Вершбоу // Газета.Ру 11.09.2011 / http://www.gazeta.ru/politics/2011/09/10_a_3762461.shtml

2. Американские подходы к созданию Европейского сегмента систем ПРО

После того, как в 2009 г. администрация Б. Обамы заявила о том, что не будет следовать плану предшествовавшего руководства в развертывании третьего позиционного района стратегической системы ПРО в Европе, намерение сотрудничать в сфере ПРО с Россией стало официальной линией Вашингтона. Было принято решение приступить к российско - американским консультациям по вопросам оценки ракетных угроз, разработки систем многосторонних уведомлений о ракетных пусках, включая создание совместного Центра обмена данными.¹⁰ Несмотря на то, что основной диалог по проблемам ПРО начал развиваться на двустороннем уровне, к этому процессу была подключена и НАТО.

После отказа от планов по развертыванию стратегической ПРО США, включая передовые элементы архитектуры третьего позиционного района в Европе, НАТО оказалось более активным участником обсуждений возможной архитектуры и принципов создания системы, планируемой Вашингтоном. В условиях, когда основным предметом внимания стала нестратегическая ПРО, речь зашла о посильном участии стран НАТО в этом проекте, а не просто о размещении американской системы в Европе и механическом присоединении к ней возможностей ПРО на театрах военных действий (ТВД) НАТО. Правда, из европейских членов блока реальными, хотя и ограниченными, наработками в сфере средств нестратегической ПРО обладает только Франция. Инициатива по подключению Альянса к обсуждению с Россией возможных моделей сотрудничества в области ПРО принадлежит, несомненно, Вашингтону.

Вовлекая более активно европейских союзников в обсуждение и создание системы ПРО в Европе администрация Б. Обамы преследует три взаимосвязанных цели:

Во-первых, создание ПРО в Европе под эгидой НАТО, пусть и при американском лидерстве, позволяет переложить на европейские державы хотя бы часть расходов и политических рисков, связанных с этим проектом.¹¹ В условиях финансово-экономического кризиса и того давления, которое оказывается на президента США республиканской оппозицией в преддверии выборов такие действия более чем оправданы.

---

¹⁰ Совместное заявление Президента Российской Федерации Д.А. Медведева и Президента Соединенных Штатов Америки Б. Обамы по вопросам ПРО. 6 июля 2009. / http://news.kremlin.ru/ref_notes/35

¹¹ Руководство НАТО даже назвало конкретную, правда, нереалистично низкую сумму в 1 млрд. долл., которую должны заплатить союзники за общую систему ПРО. Rasmussen A.F. NATO Needs a Missile Defense // International Herald Tribune. 2010. October, 12

Во-вторых, формирование коллективной системы ПРО под эгидой НАТО и при верховенстве США может стать одним из долгосрочных способов поддержания трансатлантического единства и демонстрации Вашингтоном внимания к европейским союзникам и их безопасности. Вовлечение НАТО в обсуждение и создание ПРО становится политико-психологическим, а перспективе отчасти и экономическим, инструментом мотивации европейских стран и их элит к более активному участию в создании ее архитектуры. Как и в случае с Японией, США могут привлечь крупные компании европейских стран НАТО к созданию отдельных компонент системы ПРО. Европейские компании получают доступ к заказам, а также и к некоторым технологиям, исключая те, которые Вашингтон считает «критическими» даже для взаимодействия с союзниками. Кроме того, решение задач в сфере ПРО на повседневной основе интенсифицирует политическое, военное и организационное взаимодействие внутри Альянса, что отвечает стремлению Вашингтона и Брюсселя поддерживать союзническую солидарность.

В-третьих, приглашение России к участию в ПРО и передача этого сотрудничества под контроль Альянса позволит Вашингтону придать сотрудничеству по линии СРН новое практическое содержание и создать определенные гарантии сокращения возможностей для конфронтации в будущем, как бы не складывались отношения на двустороннем уровне. Это взаимодействие, наряду с некоторыми другими сферами, где диалог России и НАТО также развивается (безопасность на море и борьба с пиратством, ситуация в Афганистане, борьба с международным терроризмом и некоторых других), позволит Вашингтону и Брюсселю создать организационную основу для постепенного ограниченного вовлечения России в стабильное сотрудничество в сфере военной безопасности.¹² Для части политической и военной элиты США на долгосрочную перспективу эта цель выглядит оправданной не столько с точки зрения евроатлантической безопасности, сколько тихоокеанской. В этом отношении России необходимо быть особенно осторожной. Сотрудничество по ПРО стратегического уровня может быть крайне негативно воспринято КНР, и вызвать серьезные проблемы в российско-китайских отношениях.¹³

Новый «Поэтапный адаптивный подход» США к созданию систем ПРО получил официальную поддержку союзников на саммите НАТО в Лиссабоне в ноябре 2010 года. Одновременно на заседании СРН, в котором принял участие Президент России Д.А. Медведев, была достигнута договоренность о развитии сотрудничества между

---

¹² Press Conference by NATO Secretary General Anders Fogh Rasmussen following the informal meeting of the NRC at the level of Foreign Ministers in New York. September, 22. 2010. (http://www.nato.int/cps/en/natolive/opinions_66436.htm)

¹³ Это обстоятельство отмечают ведущие российские военные эксперты. См.: Есин В.И. Состоится ли проект ЕвроПРО? // Военно-промышленный курьер. 2011 г. 19 января. №2.

Россией и Альянсом по ПРО. Это намерение было зафиксировано в итоговых документах саммита СРН и НАТО.¹⁴ Однако, несмотря на декларации о готовности сотрудничать в сфере ПРО между Россией и США/НАТО и ведущийся многосторонний экспертный и политический диалог, сохраняются существенные разногласия по нескольким ключевым вопросам относительно архитектуры, принципов и темпов создания системы.

США заинтересованы, прежде всего, в развертывании своей системы в Европе, пусть и под эгидой НАТО при возможном присоединении к ней российской системы в качестве по сути автономной, но связанной с натовской. Европейские члены НАТО, а особенно этим вопросом обеспокоены восточноевропейские участники Альянса, высказывают опасения по поводу того, что, если будет реализован «секторальный подход», предлагаемый Россией, создание совместной ПРО может привести к гипотетическому ограничению их суверенитета в военной сфере со стороны «внеблокового» государства. Восточноевропейские и прибалтийские страны НАТО выражают озабоченность предполагаемым нарушением принципов безопасности Альянса, в соответствии с которыми члены блока не могут делегировать полномочия по обеспечению своей безопасности внешним субъектам. При таких расхождениях, возникновение которых изначально не мог не предполагать Вашингтон, наиболее вероятным вариантом становится создание отдельных систем ПРО, которые совмещенно взаимодействуют между собой посредством обмена данными, получаемыми со спутников, радаров и сенсоров.¹⁵ Создание единой системы перехвата баллистических ракет в этой ситуации не может рассматриваться. Российские специалисты крайне скептически оценивают эффективность подобной модели ПРО.

Кроме того, между Москвой и Вашингтоном/Брюсселем, а отчасти и внутри Альянса нет согласия по поводу оценок характера и темпов нарастания ракетных угроз. Российские оценки возможной динамики возникновения угроз на Южном и Юго-Восточном направлениях существенно отличаются от оценок США и НАТО, которые наши специалисты считают завышенными. У российской стороны имеются обоснованные сомнения в том, насколько вообще оправданы опасения США и НАТО о возникновении ракетных угроз для Европы со стороны государств, рассматриваемых как их вероятные

---

¹⁴ NATO – Russia Council Joint Statement. at the meeting of the NATO-Russia Council held in Lisbon on 20 November 2010. / http://www.nato.int/cps/en/natolive/news_68871.htm; Lisbon Summit Declaration. Issued by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Lisbon. 20 November 2010. / http://www.nato.int/cps/en/natolive/official_texts_68828.htm

¹⁵ NATO: Defending against Ballistic Missile Attack. 15 Jun. 2011. Speech by NATO Secretary General Anders Fogh Rasmussen at the Royal United Services Institute in London. / http://www.nato.int/cps/en/natolive/opinions_75473.htm; Secretary General in London: Missile Defence - A Critical Capability. 15 Jun. 2011. / http://www.nato.int/cps/en/natolive/news_75564

источники.¹⁶ В особенности это касается Восточной и Северной Европы, в странах которых также будет размещен в перспективе ряд элементов системы ПРО США/НАТО.

Многосторонний диалог по вопросам ПРО активно продолжается на экспертном и официальном уровнях по линии США – Россия – НАТО. Однако его результативность пока остается сомнительной. Во многом это обусловлено самой запутанной структурой переговорного процесса, когда Вашингтон, действуя то на двустороннем уровне, то через каналы многостороннего диалога, обладает паллиативом возможностей для лавирования. Упомянутый выше пример с гарантиями, на которых настаивает Россия, здесь весьма показателен.

Позиции США относительно облика и темпов развертывания ПРО, характера взаимодействия с НАТО в этой сфере, а также сценариев сотрудничества с Россией по этим вопросам находятся под влиянием американской внутривластной конъюнктуры. Сама возможность сотрудничества с Россией по ПРО вызывает негативную реакцию многих республиканцев, части демократов в Конгрессе, а также на уровне экспертного сообщества. Одни группы интересов выступают против «перезагрузки» отношений с Россией, тем более ее распространения на военную сферу и такие чувствительные программы, как создание ПРО. К ним примыкают те, кто считает, что ПРО США должна быть глобальной, независимой (в том числе и от союзников), а также способной противодействовать любым ракетным угрозам, включая стратегические. Эти политики и эксперты тесно связаны с интересами Пентагона и компаний, работающих по военным заказам и заинтересованных в раздувании бюджета программ ПРО. Другие группы интересов, напротив, видят в проекте ПРО неоправданную программу государственных расходов, которые необходимо сокращать. Однако и те, и другие заинтересованы в использовании этой проблемы для давления на Б. Обаму.

На фоне неготовности США к открытому диалогу по ПРО, роль НАТО закономерно продолжает оставаться вторичной, а разногласия в Альянсе по поводу создания системы и возможных форм сотрудничества с РФ отнюдь не способствуют прояснению перспектив сотрудничества. Дополнительные ограничения на реализацию такого взаимодействия по линии Альянса могут наложить финансово-экономические проблемы, сохраняющиеся как у США, так и у многих европейских членов НАТО (и у ЕС в целом). По всей видимости, большая ясность по проблематике ПРО может появиться лишь в преддверии саммита НАТО в Чикаго.

По современному замыслу американского руководства, основной целью создаваемой системы ПРО является постепенное формирование надежной и устойчивой обороны территории самих

---

¹⁶ Интервью зам. министра обороны РФ Анатолия Антонова: «Запад должен нас не только слушать, но и слышать» // Независимое военное обозрение. 2011 г. 22 июля.

США, а также их союзников в Европе и в Азиатско-Тихоокеанском регионе от баллистических ракет всех классов, включая в перспективе и стратегические. Однако достижение возможностей по перехвату стратегических ракет отложено на третий и четвертый этапы реализации «Поэтапного адаптивного подхода» и увязано с динамикой развития ракетных угроз. В качестве приоритетного направления определено развертывание мобильных компонентов глобальной системы. Принятие на вооружение стратегической модификации противоракет типа «Стандарт-3» морского и наземного базирования ожидается после 2015 г. Параллельно продолжаются работы над совершенствованием стратегических противоракет ГБИ, запускаемых из шахтных пусковых установок.

Пентагон наметил к 2018 г. иметь два позиционных района противоракет ГБИ на континентальной части США (Форт Грили, штат Аляска, и АвБ Вандерберг, штат Калифорния). Кроме того, предполагается создание двух баз в Европейской зоне для размещения наземных противоракетных комплексов с противоракетами типа «Стандарт-3»: одна – на территории Румынии, вторая – в Польше. Изучается возможность создания подобных баз в зоне Персидского залива, Турции и Дальневосточном регионе. Планы развертывания морской компоненты ПРО к 2018 г. предусматривают пребывание в Европейской зоне на постоянной основе до трех кораблей в Средиземном и Северном морях. Дополнительные корабли ПРО могут быть развернуты в Средиземном, Черном и Балтийском морях. В Тихоокеанской зоне будет базироваться до 20 кораблей ПРО, из числа которых может выделяться несколько единиц для патрулирования в зоне Персидского залива.

В целом к 2018 г. основу группировки огневых средств ПРО США могут составить 30 развернутых противоракет ГБИ, а также сотни противоракет типа «Стандарт-3» морского и наземного базирования. Глобальная информационно-разведывательная сеть системы ПРО США к 2018 г. может включать спутниковую группировку перспективной системы «ПТСС (ПТСС – Precision Tracking Space System – Космическая система точного слежения) и десятки радиолокационных станций ПРО морского и наземного базирования. Оборону важнейших американских объектов на континентальной части США и за рубежом, в том числе самих европейских баз стратегических противоракет, от оперативно-тактических ракет и баллистических ракет средней дальности планируется осуществлять с помощью зенитных ракетных комплексов «Патриот» ПАК-3 и мобильных противоракетных комплексов ТХААД.*

В соответствии с решением саммита НАТО 2010 г. в Лиссабоне о создании системы ПРО в Европе, руководство Альянса приступило к разработке концепции ее формирования. Главная заявленная цель

---

* См. Приложение № 2.

ПРО НАТО – защита всех стран Альянса, включая их территории, население и вооруженные силы, от ракетных угроз. Ранее, с 2005 г., вопросы ПРО стран-членов НАТО прорабатывались в рамках программы «Активная эшелонированная ПРО на ТВД» (Active Layered Theatre Ballistic Missile Defense Program – ALTBMD). Она предусматривала объединение существовавших систем боевого управления и связи ВВС и ПВО Альянса, а также огневых противоракетных средств стран-членов НАТО с целью защиты наиболее важных объектов и группировок войск от ударов баллистических ракет с дальностью стрельбы до 3000 км¹⁷. В настоящее время руководство НАТО приняло за основу проекта создания коллективной ПРО американский «Поэтапный адаптивный подход».

Основу огневого компонента европейского сегмента системы ПРО США составят корабельные и наземные противоракетные комплексы с противоракетами «Стандарт-3» различных модификаций, отличающихся максимальной дальностью и высотой перехвата, а также наземные противоракетные комплексы ТХААД и зенитные ракетные комплексы «Патриот» ПАК-3.

В ходе первого этапа предполагается развертывание на ротационной основе до трех боевых кораблей ВМС США, оснащенных многофункциональной системой управления оружием «Иджис» и противоракетами «Стандарт-3» в модификации 1А, в акваториях Северного и Средиземного морей, а также зенитных ракетных комплексов «Патриот» ПАК-3 на территории европейских государств. Кроме того, для информационно-разведывательного обеспечения планируется развернуть транспортабельные станции передового базирования и корабельные станции ПРО.

На втором этапе (до 2015 г.) предполагается наращивание группировки ПРО США/НАТО в Европе за счет развертывания комплексов противоракет «Стандарт-3» модификации 1А наземного базирования в Румынии и морского базирования в акваториях Средиземного и Северного морей, а также мобильных противоракетных комплексов ТХААД. Для информационно-разведывательного обеспечения намечено задействовать корабельные станции ПРО в наземном варианте.

В ходе третьего этапа создания ПРО США/НАТО (до 2018 г.) предусматривается развертывание комплексов противоракет «Стандарт-3» модификации 2А в морском и наземном вариантах (в Румынии и Польше). В этой модификации они будут обладать ограниченной способностью перехвата баллистических ракет межконтинентальной дальности, а также низкоорбитальных космических аппаратов.

В рамках четвертого этапа (до 2020 г.) планируется модернизация всех наземных и корабельных комплексов ПРО с

---

¹⁷ ALTBMD Programme. / <http://www.tmd.nato.int/threat.html>.

оснащением их перспективными противоракетами «Стандарт-3» модификации 2Б. Предполагается, что эти противоракеты будут способны осуществлять перехват МБР и БРПЛ.

Противоракетные комплексы, разрабатываемые в других странах НАТО, рассматриваются в качестве национального вклада в состав сил, передаваемых в оперативное подчинение командованию ОВС НАТО. Кроме того, в качестве информационно-разведывательного компонента ПРО НАТО намечено задействовать РЛС противоракетных и зенитных ракетных комплексов, а также радиолокационные посты ПВО стран-членов Альянса.

Относительно роли и степени участия России в возможном создании системы ПРО в Европе официальные представители США и Альянса однозначно заявляют о том, что эти процессы будут идти параллельно и независимо друг от друга (с одной стороны, в рамках СРН, с другой – внутри Альянса). При этом со стороны Вашингтона и Брюсселя речь идет именно о сотрудничестве/взаимодействии, а не о создании единой/общей системы ПРО России и США/НАТО в Европе.

3. Позиции России относительно сотрудничества с США/НАТО в области ПРО

Дискуссии между официальными представителями России и США/НАТО о перспективной архитектуре ПРО в Европе не привели до настоящего времени к позитивным результатам в силу сохраняющихся разногласий относительно актуальности и возможной динамики развития ракетных угроз, а также распределения зон ответственности за оборону от возможного ракетного нападения.

Суть российского предложения, выдвинутого в 2010 г., состояла в создании совместной системы противоракетной обороны по периметру евроатлантического региона, предназначенной для перехвата баллистических ракет, стартовавших из-за пределов региона. При этом предусматривалось, что территория европейской части Евразийского континента, которая могла бы подвергнуться угрозе ракетного нападения, разбивалась на сектора, противоракетная оборона которых совместно решалась бы странами НАТО и Россией. Американская сторона настаивает на приоритете собственной системы ПРО, которая по мере роста технологических возможностей и развития ее архитектуры должна приобрести потенциал перехвата и стратегических ракет, и отрицает любые возможности раздела зон ответственности. Руководство европейских стран НАТО на экспертном и официальном политическом уровнях выражает несогласие с «секторальным подходом», предложенным Россией.

Российские официальные представители обеспокоены возможным воздействием создаваемой США и НАТО системы ПРО на российский потенциал ядерного сдерживания. Такое воздействие могло бы стать подрывом основ стратегической стабильности. Особую озабоченность российской стороны вызывает четвертый и отчасти третий этапы американского проекта создания европейского сегмента глобальной ПРО. Учитываются перспективные возможности американских ракет-перехватчиков и планируемые районы их размещения. Американские контраргументы сводятся в основном к тому, что перехватчиков четвертого этапа еще нет, и будут ли они к 2020 году – неизвестно. Более того, если иранская ракетная угроза исчезнет, то, может быть, и реализация третьего и четвертого этапов будет пересмотрена. Однако практические работы по созданию европейского сегмента американской глобальной системы ПРО идут в соответствии с планами США, и российскому руководству необходимо уже сейчас принимать решение о том, следует ли готовить так называемые «асимметричные ответы» или нет.

Руководство Альянса, понимая, что Россия обладает потенциалом противоракетного прикрытия не только своей собственной территории, но и территорий сопредельных стран НАТО, выступило категорически против российского предложения о «секторальном подходе» к сотрудничеству. Предлогом для этого

служит то, что, по мнению экспертов и политиков из стран НАТО, он противоречит статье 5 Вашингтонского договора, который не предусматривает (но ведь, и не запрещает – прим. ред.) делегирование права на обеспечение безопасности любой страны-участницы Альянса третьей стороне, не являющейся членом НАТО. Следует отметить, что с формальной точки зрения данный аргумент совершенно справедлив, если продолжать мыслить категориями незыблемости ракетно-ядерного противостояния и не замечать определенной революционности предложений России.

Как уже отмечалось, наибольшее неприятие российский «секторальный подход» вызывает у восточноевропейских участников Альянса, высказывающих опасения по поводу предполагаемого ограничения их суверенитета со стороны России. Руководство НАТО в значительной степени пошло у них на поводу, сведя подход Альянса к сотрудничеству с Россией в области противоракетной обороны к тому, что стороны строят каждая свою автономную систему, которые взаимодействуют между собой посредством обмена различными данными.¹⁸ По мнению представителей НАТО, такой обмен может повысить эффективность ПРО по сравнению с вариантом решения данной задачи самостоятельно каждой из сторон.

Сказываются на выработке форм сотрудничества также принципиально разные подходы к проблемам равноправия в участии сторон в построении ЕвроПРО. Россия настаивает на своем полноценном участии как в определении принципов построения ЕвроПРО, так и её архитектуры, а США и в целом НАТО готовы лишь к дозированному сотрудничеству с Россией в создании противоракетной защиты Европы.

Вполне закономерно, что при таких разных подходах сторон им не удалось достигнуть в 2010 – 2011 гг. взаимопонимания и по принципам сотрудничества по ПРО. В 2011 г. Брюссель разработал и внёс на рассмотрение в рамках СРН на уровне послов проект документа, носящий название «Политические принципы сотрудничества по ЕвроПРО». Москва внесла встречный документ, который был распространён среди участников СРН. Содержание этих документов не было опубликовано, но известно, что российскую сторону не устроил натовский проект, а НАТО – российский документ. Как выразился постоянный представитель России в НАТО и спецпредставитель Президента РФ по ПРО Д.О. Рогозин, «мы уперлись в архитектурный план ЕвроПРО». Можно с высокой вероятностью предположить, что в натовском документе превалировала идеология раздельного построения НАТО и Россией своих систем ПРО, которые будут осуществлять определенное

---

¹⁸ NATO: Defending against Ballistic Missile Attack. 15 Jun. 2011. Speech by NATO Secretary General Anders Fogh Rasmussen at the Royal United Services Institute in London. / http://www.nato.int/cps/en/natolive/opinions_75473.htm; Secretary General in London: Missile Defence - A Critical Capability. 15 Jun. 2011. / http://www.nato.int/cps/en/natolive/news_75564.

взаимодействие при парировании общих ракетных угроз Европе. В российском документе упор, вероятно, сделан на «секторальный принцип» построения совместной ЕвроПРО с разделением ответственности сторон за прикрытие того или иного ракетоопасного направления.¹⁹

Формально Москва еще не отступала от «секторального принципа» построения ПРО, предложенного президентом России Д.А. Медведевым на лиссабонском саммите СРН. Во всех интерпретациях он подразумевает создание именно общей системы, которая не предполагает размещение натовских средств обнаружения и перехвата в непосредственной близости от российских западных границ. Россия готова взять на себя ответственность за прикрытие согласованных сторонами ракетоопасных направлений, передав защиту других направлений НАТО. Если же речь идет о создании двух автономных систем ПРО, то зона ответственности натовской системы будет покрывать часть территории России. Это фактически означает, что российские межконтинентальные баллистические ракеты, развернутые в европейской части страны, могут в перспективе, в случае реализации завершающих фаз «Поэтапного адаптивного подхода» США/НАТО попасть под своеобразный «колпак». Если создание «колпака» является одной (пусть даже не главной) из целей строительства ЕвроПРО, то очевидно, что участвовать в подобном проекте без соответствующих гарантий российское руководство позволить себе не может.

Требуемые Россией гарантии ненаправленности должны, по твердой убежденности ее военно-политического руководства, иметь совершенно конкретный военно-технический характер, а именно: неразмещение средств обнаружения и перехвата в определенных районах; ограничения на скорость и дальность действия перехватчиков; количество перехватчиков в определенных районах. Такие гарантии должны быть зафиксированы в соответствующем международном соглашении. И, конечно, надо отдавать себе отчет в том, что вышеупомянутые гарантии Россия должна получить не от НАТО как организации, которая международных соглашений заключать не может, а от ее членов, в первую очередь, Соединенных Штатов. Это мотивировано, прежде всего, тем, что весь противоракетный потенциал, который имеется в Европе сегодня и который будет наращиваться в дальнейшем – это более чем на 90% американские средства обнаружения и перехвата.

В этом отношении закономерно и оправдано выдвижение Россией предложения о заключении именно между Россией и США юридически обязывающей договоренности о ненаправленности друг

---

¹⁹ См.: Пресс-конференция Д. Рогозина и Н. Бордюжи, 18 апреля 2011 г., Брюссель. / <http://natomission.ru/cooperation/current/show/205/>; Выступление Д.О.Рогозина на конференции Института Восток-Запад по противоракетной обороне, 30.03.2011, Брюссель. / <http://natomission.ru/security/article/security/artpublication/107/>.

против друга создаваемых ими систем ПРО. Как считает заместитель министра иностранных дел РФ С.А. Рябков - сопредседатель российско-американской рабочей группы по контролю над вооружениями и международной безопасности (образована в рамках Президентской комиссии, созданной Д.А. Медведевым и Б. Обамой в 2009 г.), это позволило бы значительно облегчить достижение соответствующих договоренностей в формате СРН.²⁰ Однако это предложение Москвы не нашло поддержки у Вашингтона, прежде всего, по внутривнутриполитическим соображениям.

Белый дом не готов подписывать с Россией какое-либо юридически обязывающее соглашение по ПРО в преддверии выборов. Подписание подобного соглашения неизбежно привело бы к резкому обострению политического противостояния в американской элите, что крайне невыгодно для действующей администрации США и может негативно сказаться на электоральном рейтинге Б. Обамы. Выступая по окончании переговоров с американским Президентом на пресс-конференции в Довилле (Франция), Президент России Д.А. Медведев вынужден был признать, что «будущее ПРО будет решаться будущими политиками», однако отметил, что он и Обама все же смогут заложить основы для этого сейчас.²¹

Эти позиции во многом предопределили и более чем скромные результаты заседания СРН на уровне министров обороны в июне 2011 г. Его участники не достигли поставленной перед ними цели – они не смогли договориться о рамочных условиях сотрудничества по ЕвроПРО. Тем не менее, как справедливо отмечено в заявлении МИД России, июньская встреча министров обороны – это не конец, а промежуточный рубеж в переговорном процессе. Российская сторона, впрочем, как и натовская, высказалась за продолжение работы по поиску взаимоприемлемых решений по созданию ЕвроПРО. Министр иностранных дел России С.В. Лавров так сформулировал российское понимание приоритетов в области дальнейшего обсуждения сотрудничества с США/НАТО в области ПРО: «Мы убеждены, что необходимо не только решить эту проблему, но и сделать так, чтобы она перестала быть единственной повесткой дня, чтобы она перестала быть разъединяющим нас элементом, а, наоборот, превратилась в объединяющий процесс».²²

Однако эта позиция России не означает быстрого преодоления противоречий, особенно тех, которые, как было показано, носят

---

²⁰ О встрече заместителя Министра иностранных дел России С.А.Рябкова со старшим заместителем Госсекретаря США Э.Таушер. 13 августа 2011 г. / http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/30F0183B9F162EA0C32578EB00460F9E

²¹ Президент РФ Медведев Д.А. Медведев Пресс-конференция по итогам саммита «Группы восьми». 27 мая 2011 г. / <http://www.kremlin.ru/transcripts/11374>.

²² Стенограмма выступления Министра иностранных дел России С.В. Лаврова на пресс-конференции с Генеральным секретарем НАТО А.Фоггом Расмуссеном по итогам встречи участников заседания СРН с Президентом Д.А. Медведевым, Сочи, 4 июля 2011 г. / http://www.mid.ru/BDOMP/Brp_4.nsf/arh/834D8F10FC3851DBC32578C30063402C

фундаментальный характер. Несмотря на позитивные ожидания, связанные с саммитом СРН в Чикаго в 2012 г., в условиях, когда и в России, и в США полным ходом будут идти избирательные кампании, достижение согласия по поводу принципов сотрудничества может также оказаться затруднено.

Вместе с тем определённое влияние на ход официальных дискуссий о создании совмещенной архитектуры ПРО могут оказать не только различия субъективных позиций, но и объективные факторы.

4. Возможные ракетные угрозы и опасность ЕвроПРО США/НАТО для СЯС России

Утверждение об отсутствии в настоящее время ракетных угроз с южного направления справедливо ровно в такой же степени, в какой сейчас нет и достаточно эффективной системы ПРО для защиты территорий России и Европы. Создавать такую ПРО после появления реальной ракетной угрозы было бы стратегическим просчётом. С другой стороны, если такая система будет создаваться США/НАТО без России, ее эффективность с точки зрения возможностей обнаружения и перехвата ракет третьих стран будет существенно ниже, чем с российским участием.

В целом представление о том, что такие страны, как Северная Корея и Иран, могут иметь только ракеты ограниченной дальности, сделанные по технологиям советских ракет типа «Скад», глубоко ошибочно. Можно напомнить, что в СССР еще в конце 1950-х годов были разработаны ракеты средней дальности Р-12 и Р-14 с ядерными боезарядами, способные пролететь до 2000 и даже 4500 км. В настоящее время нет данных о наземных испытаниях жидкостных ракетных двигателей, сопоставимых по мощности с двигателями упомянутых ракет. Однако считать, что подобные технологии до сих пор недоступны для других стран, было бы опасным заблуждением.

Иранские мобильные двухступенчатые твердотопливные баллистические ракеты «Седжил-2» обладают дальностью 2200-2400 км при полезной нагрузке в 750 кг. Успешные лётные испытания этих ракет, ставших зримым достижением иранских конструкторов и технологов в изготовлении крупногабаритных твердотопливных двигателей, явились неожиданностью для многих экспертов. Оценки показали, что при последовательном совершенствовании конструкционных материалов корпусов двигательных установок и ракет, вплоть до использования композитных материалов, дальность этих ракет возрастёт до 3500 км. Таким образом, время, необходимое Ирану для производства баллистических ракет повышенной дальности, может быть вполне сопоставимо с планируемым временем развёртывания ЕвроПРО. Это обстоятельство все же не может оправдывать темпы реализации третьего и четвертого этапов «Поэтапного адаптивного подхода» США/ НАТО.

В конце мая 2011 г. заместитель секретаря Совета Безопасности РФ В.П. Назаров и заместитель государственного секретаря США В. Вандипен подготовили совместный доклад по оценке ракетных угроз в XXI веке. Хотя текст доклада не опубликован (по-видимому, он пока носит конфиденциальный характер), сам факт появления такого документа – это, несомненно, позитивное событие, свидетельствующее о том, что стороны разделяют общие оценки ракетных угроз, для парирования которых задумано создание ЕвроПРО.

Вопрос о возможной угрозе для СЯС России со стороны системы ПРО в Европе, создаваемой США/НАТО, требует внимательного рассмотрения именно в связи с перспективой возникновения ракетных угроз от третьих стран, темпами нарастания и масштабами этой угрозы.

Предполагаемые для развёртывания в Европе американские морские и наземные противоракеты типа «Стандарт» (SM-3) четырёх модификаций, комплексы ТХААД и радары X-диапазона (3-х сантиметрового), стратегические противоракеты ГБИ вместе с радарными системами предупреждения о ракетно-ядерном ударе будут единой составляющей общей системы ПРО территории США и стран НАТО. В таком виде они, как уже было сказано выше, рассматриваются официальными представителями России как угроза своему потенциалу ядерного сдерживания. Насколько эта угроза может быть реальной, можно представить на основании оценок способности американской системы ПРО в Европе по перехвату иранских ракет. Радары X-диапазона, благодаря относительно высокой разрешающей способности (до 15 см), могут обнаруживать на внеатмосферном участке траектории не только боевые блоки, но и часть ложных целей, однако не гарантируют возможности отличить одни от других. При этом даже относительно несложные меры противодействия, которые могут быть доступны для иранских ракетчиков, способны снизить эффективную площадь отражения боевых блоков с $0,03 \text{ см}^2$ до $0,01 \text{ см}^2$, что значительно снизит дальность их обнаружения. В лучшем случае при увеличении модулей радара X-диапазона до 80 тыс. единиц, дальность обнаружения составит примерно 1300 км при необходимой минимальной дальности около 2000 км. Всего для перехвата одного боевого блока иранской баллистической ракеты потребуется в среднем 5 противоракет.

Нет никаких сомнений в том, что российские МБР и БРПЛ оснащены значительно более эффективными комплексами преодоления ПРО, которые разрабатывались в течение нескольких десятков лет и продолжают находиться в стадиях модификации и адаптации к перспективным системам ПРО. Стратегические противоракеты ГБИ, которые администрация президента Дж. Буша-мл. планировала разместить в Польше, теоретически могли перехватить боевые блоки российских МБР, стартующих из европейской части страны в западном направлении по территории США. При этом для перехвата только одного боевого блока потребовались бы все 10 противоракет ГБИ, в связи с чем даже планировать подобное их применение представляется совершенно нерациональным.

По этим причинам новая архитектура ПРО в Европе может оказать лишь ограниченное влияние на российский потенциал ядерного сдерживания. Причём это относится ко всем фазам развёртывания американской системы ПРО в Европе, предполагаемым в соответствии с «Поэтапным адаптивным подходом». На третьем его

этапе (2018 г.) планируется развернуть обновлённый перехватчик СМ-3 (в модификации 2А) в Северной Европе и его наземный вариант, которые будут обладать ещё более высокой эффективностью поражения баллистических ракет средней дальности. Для решения этих задач ведётся разработка противоракет типа СМ-3 повышенной дальности. Увеличение дальности противоракет американские специалисты рассчитывают достичь за счёт увеличения массы твёрдого топлива (диаметр второй и третьей ступеней увеличивается примерно в полтора раза – с 34,3 см до 53,3 см). Наконец, на четвертом этапе (до 2020 г.) планируется дальнейшая модернизация перехватчика СМ-3 (модификации 2Б), который будет способен поражать баллистические ракеты межконтинентальной дальности. При этом на всех четырёх этапах будет осуществляться модернизация систем боевого управления и наведения. Ожидается, что за счёт повышения скоростных характеристик противоракеты будет обеспечена способность (при размещении кораблей с системой «Иджис» в Средиземном море) поражать иранские баллистические ракеты средней и межконтинентальной дальности (в случае их появления) на активном участке траектории.

В последнее время рассматривается гипотетический сценарий, в соответствии с которым все мобильные морские и наземные комплексы ПРО могут, в случае необходимости, быть перебазированы в США и образовать плотную оборону её территории от ответного удара СЯС России. Этот сценарий представляется несостоятельным по многим причинам. Одна из главных заключается в том, что процесс перебазирования систем ПРО будет весьма продолжительным и скрыть его невозможно, а цель может заключаться в подготовке разоружающего американского удара. В этих условиях возникнет риск спровоцированного упреждающего удара российских СЯС. Кому нужен такой катастрофический сценарий?!

Ещё одна обеспокоенность российской стороны связана с базированием американских кораблей ПРО в северных морях. Эти опасения гораздо более мотивированы. Противоракеты СМ-3 теоретически могут быть способными к перехвату российских БРПЛ. В особенности это касается жидкостных ракет, стартующих из прибрежных акваторий и непосредственно из баз, на активном участке траектории. Эта способность может возрасти по мере повышения скоростных характеристик противоракет. Американские космические системы раннего предупреждения гарантированно обнаруживают ракеты на активном участке траектории примерно через 50 секунд после старта, а перспективная низкоорбитальная система «СТСС» (STSS – Space Tracking and Surveillance System – Система космического отслеживания и наблюдения) с этого же момента с достаточно высокой точностью начинает определять параметры траектории БРПЛ и вырабатывать предварительные целеуказания для противоракет. Эти целеуказания будут передаваться на радары

наведения, размещенные на кораблях с системой «Иджис». Таким образом, перехват жидкостных БРПЛ, стартующих из подводных ракетноносцев в ближней морской зоне, теоретически может быть осуществлён при движении на второй ступени при удалении их на расстояниях, начиная примерно с 300 км от точки старта до окончания активного участка на высотах от 250 км до 500 км, что вполне достижимо для существующих и перспективных противоракет СМ-3.

Активный участок полёта твердотопливной БРПЛ «Булава», благодаря принятым конструктивным решениям, значительно короче по времени и высоте полёта, по сравнению с жидкостными БРПЛ. Из-за отсутствия необходимых исходных данных в открытых материалах возможности по перехвату БРПЛ «Булава» на активном участке траектории здесь не рассматриваются.

Некоторые американские представители утверждают, что противоракеты СМ-3 не предназначены для перехвата баллистических ракет на активном участке траектории, а могут поражать только отделившиеся боевые блоки. Связано это с особенностями сенсоров блока самонаведения противоракеты и тем, что боевые блоки движутся по баллистической траектории, поэтому прогнозировать их координаты достаточно просто, и что якобы значительно труднее это делать при наведении по ракете, которая перемещается со значительным ускорением. По экспертным же оценкам, однако, нет никаких технологических трудностей корректировки чувствительности сенсоров противоракеты и прогнозирования траектории баллистической ракеты на активном участке. Тем более, что траектории российских ракет на активном участке прекрасно изучены при обмене телеметрическими данными и средствами их дешифровки по условиям Договора СНВ-1. Если американцы освоили перехват по принципу «пуля в пулю», то вряд ли сложно трансформировать его как «пуля в слона».

Кроме того, в настоящее время в США в стадии доработки и испытаний находится авиационный комплекс с лазерным оружием, предназначенный для поражения ракет всех типов на активном участке траектории. Несмотря на ряд неудачных результатов испытаний, в том числе в самое последнее время, данных о том, что программа эта будет «заморожена» на длительное время, не поступало (на сегодня она из стадии ОКР возвращена в стадию НИР). Лазерное оружие будет размещаться на самолётах типа В-747, барражирующих на высотах около 10 км. Тип лазера – химический с непрерывным режимом излучения, диаметр апертуры – полтора-два метра. По имеющимся данным, максимальная дальность действия – до 800 км. Предполагается, что лазер будет способен поражать ракеты на активном участке траектории в течение примерно 60 секунд. При этом время воздействия на цель составляет от одной до пяти секунд, что приводит к её поражению с учётом того, что корпус ракеты находится под действием сильной термической и силовой нагрузки. Это относится

в первую очередь к жидкостным ракетам, которые по сравнению с твердотопливными ракетами имеют более продолжительный активный участок траектории полёта и корпус которых обладает меньшей прочностью. Самолёты с лазерным оружием могут быть переброшены и развёрнуты в районах, находящихся в относительной близости от ракетных баз противника. При этом необходимо обеспечить развёртывание и поддержание в боевой готовности нескольких ударных самолётов, самолётов-заправщиков, а также самолётов прикрытия. Вряд ли такие авиационные средства возможно использовать для перехвата баллистических ракет, базы которых находятся в глубине территории противника и защищены эффективными средствами ПВО. Однако барражирование в районах базирования и патрулирования российских подводных ракетносцев создаст угрозу стартующим с них баллистическим ракетам.

В последнее время в США можно услышать целый ряд скептических мнений об этой системе ПРО. Слишком большие затраты требуются на ее развертывание и поддержание в готовности. Для нынешней американской администрации при небывалом дефиците бюджета это справедливо, но считается, что администрации приходят и уходят, а дефициты преодолеваются. Однако массированное развёртывание кораблей ПРО с кораблями поддержки и обеспечения вблизи баз и районов патрулирования российских подводных ракетносцев, как и сосредоточение самолётов с лазерным оружием и авиации прикрытия, аналогично сценарию перебазирования мобильных систем ПРО из Европы для защиты территории США. Этот сценарий также может привести к риску упреждающего удара со стороны СЯС России. Кроме того, остаются наземные МБР, которые способны нанести разрушительный ответный удар.

Реальная опасность для России могла бы возникнуть только в случае массированного наращивания наземных, морских, воздушных и космических рубежей перехвата баллистических ракет и боевых блоков на всех участках траектории их полёта по пресловутой программе «звёздных войн» (или аналогичной). Это было бы связано с возвратом к ядерному противостоянию по модели советско-американского и к новой гонке вооружений. Однако вероятность столь радикального обострения отношения между Россией и США на сегодняшний момент незначительна.

6. Потенциальный вклад России в систему ПРО в Европе

Предложения России о равноправном сотрудничестве в создании совмещенной ПРО в Европе и построении системы, основанной на так называемом «секторальном» принципе, требуют оценки реального российского потенциала для такого сотрудничества.

В России есть система ПРО А-135, предназначенная для защиты Московского региона. Принятый в 1995 г. последний вариант этой системы сохраняет в перспективе определённый потенциал для модернизации. Но высотные противоракеты 51Т6 выведены из боевого состава. Применение же остающихся противоракет ближнего перехвата 53Т6 с ядерными боезарядами уже давно не соответствует представлениям о допустимости в новой военно-политической обстановке использования собственных многочисленных ядерных взрывов над своей же территорией для перехвата боевых блоков с неизвестным зарядом или даже без всякого заряда при провокационных пусках одной или нескольких ракет. Тем более неприемлемо использование подобных противоракет в Европе. США ещё в 1975 г. по решению Сената отказались от аналогичной системы ПРО для защиты базы МБР в Гранд-Форкс и демонтировали все противоракеты.

Система ПРО/ПВО С-400 «Триумф» располагает на сегодня только противоракетами ПВО, и нет сведений об успешных испытаниях противоракет для перехвата реальных баллистических целей. Пока что нет возможности сравнить перспективный отечественный комплекс ПРО/ПВО С-500 с американским противоракетным комплексом ТХААД, существующими морскими и будущими наземными системами типа «Стандарт» различной модификации. Из предварительных оценок следует, что комплекс С-500 будет уступать комплексу ТХААД по высоте и дальности перехвата баллистических целей примерно в два раза. Однако он может сравняться с комплексом ТХААД или даже превзойти его параметры при использовании внешних целеуказаний от информационных средств различного базирования.

Испытания комплексов ТХААД и «Иджис» продолжались 10-15 лет и эффективность их, по мнению американских независимых экспертов, весьма сомнительна. Испытательный цикл отечественных систем ПРО, с учётом ряда проблем, потребует не меньшего времени. Поэтому нет оснований рассчитывать на то, что до конца текущего десятилетия в России может быть обеспечено серийное производство и развёртывание систем ПРО, сопоставимых с уже существующими американскими.

Отсутствие в обозримой перспективе вклада российских средств перехвата в планируемую США/НАТО ЕвроПРО не создаёт, тем не менее, непреодолимых препятствий для реального сотрудничества. Значительные возможности сохраняются в сфере информационных средств ПРО. По оценкам американских независимых экспертов,

интеграция систем предупреждения России и США о ракетном нападении повышает эффективность обнаружения пусков ракет на 30-70%. Еще более глубокое взаимодействие может осуществляться при развертывании низкоорбитальной космической информационной системы глобальной ПРО. Ее космические аппараты могут быть выведены на орбиты с требуемой высотой и наклоном, в частности, конверсионными «тяжелыми» ракетами по российско-украинскому проекту «Днепр».

Вклад космических эшелонов российской СПРН (Системы предупреждения о ракетном нападении) на данном этапе из-за нынешнего состояния этих эшелонов и в ближайшей перспективе вряд ли может оказаться весомым. Тем более, что американская космическая система раннего предупреждения обладает повышенными возможностями по прогнозированию траекторий полёта баллистических ракет, запуски которых обнаружены. Но вероятность обнаружения запусков ракет космическими эшелонами зависит от состояния облачного покрова в районах старта, поэтому не является 100-процентной. Наиболее надёжным средством обнаружения стартовавших ракет и расчёта траекторий их полёта являются радары российской СПРН и американской СПРЯУ (Системы предупреждения о ядерном ударе). Американским специалистам хорошо известны уникальные возможности по обнаружению пусков ракет с южного направления радаров российской СПРН, расположенных в Мингечауре и под Армавиром. При испытательных запусках иранских ракет с северного полигона по трассе в юго-восточном направлении радар в Мингечауре обнаруживает их примерно на 110 секунде полёта, а при пусках в северо-западном направлении ещё раньше. Эти показатели недоступны никаким американским радарам.

Важно и то, что в области систем и средств, обеспечивающих перехват ракет, вполне может быть использован передовой опыт разработки уникального программного обеспечения для обнаружения атакующих ракет, селекции боевых блоков на фоне ложных целей и помех и другие разработки. Россия также располагает развитой полигонной испытательной инфраструктурой, содержащей сеть радиолокационных, оптико-электронных и телеметрических станций, которой нет в Европе.

7. Организационные особенности возможного сотрудничества в области ПРО

В условиях сложившегося тупика в российско-американских дискуссиях о принципах и формах сотрудничества в сфере создания европейской системы ПРО, первым шагом, соответствующим требованиям России по равноправному сотрудничеству, вполне может быть объединение российских и американских систем раннего предупреждения о пусках ракет. Для этих целей может быть создан единый Центр обмена данными (ЦОД), что было предусмотрено ещё в 1998 г. совместным решением президентов России и США, но по различным причинам не состоялось. Это намерение президенты России и США, как уже отмечалось выше, повторили на встрече в Москве в 2009 году. В дальнейшем такой Центр целесообразно трансформировать в Центр глобального мониторинга пусков ракет и предупреждения о ракетном нападении, работающий в реальном масштабе времени, с дислокацией в Москве и в Варшаве.

Объединенная система СПРН и СПРЯУ, замкнутая на Центр глобального мониторинга пусков ракет и предупреждения о ракетном нападении, не может быть секторальной. Она создается для повышения эффективности решения общей задачи: информация от любых систем, которые обнаружили стартовавшие ракеты, поступает в Центр, где вся информация обрабатывается, а дублирование лишь повышает эффективность обнаружения. В перспективе, когда в России появятся средства перехвата, сопоставимые с американскими, принцип должен быть таким же: запускаются те противоракеты, которые способны поразить цель. И если к цели будут одновременно направлены противоракеты России и США, то это только повысит гарантированность перехвата. При этом необходимо иметь в виду, что совмещенная система ПРО должна быть полностью автоматизирована, поскольку счет идет на единицы минут и даже секунд, и именно такая система должна выбирать в автоматическом режиме оптимальные средства перехвата. Разбираться на командных пунктах в том, чей это сектор, времени не будет.

В связи с этим необходимо отметить сформировавшееся у сторонников сотрудничества отношение к суверенитету России и США/НАТО при защите от ракетного нападения со стороны третьих стран. Считается, что каждая из участвующих сторон будет защищать собственную территорию, хотя и допускается существование заранее согласованных оперативных протоколов, позволяющих одной стороне осуществлять перехват ракеты, пролетающей через ее территорию, в случае если она нацелена на нанесение удара по территории другой стороны. Можно принять эти положения на начальном этапе как следствие недостаточного доверия между договаривающимися сторонами и как дань настойчиво повторяемым руководством НАТО и, прежде всего, представителями стран Восточной Европы

утверждениям о незыблемости принципов Североатлантического договора. Однако эти утверждения находятся в явном противоречии с уже реально осуществляемым взаимодействием в соседних сферах обеспечения безопасности.

Например, в июне 2011 г. истребители России и НАТО участвовали в совместном антитеррористическом учении «Бдительное небо-2011». Его обеспечивали основные координационные центры в Москве и Варшаве и локальные пункты в России, Польше, Норвегии и Турции. При этом польские самолёты вместе с российскими осуществляли перехваты «нарушителя» и его сопровождение в общем воздушном пространстве, не связывая свои действия с пресловутым суверенитетом. Аналогичные учения проведены с участием турецких и российских истребителей.

Можно также задать вопрос о роли принципов Североатлантического договора в процессах обмена оперативной информацией между спецслужбами в антитеррористической и антинаркотической работе, в поддержании технического состояния сотен образцов российского вооружения, до сих пор находящихся в вооружённых силах государств Восточной Европы – в прошлом членов Варшавского договора. Можно привести целый ряд других примеров. Иными словами, безопасность стран-членов НАТО обеспечивается не только собственными силами. В глобализирующемся взаимозависимом мире это – неустраняемая реальность. Тем более несостоятельна ссылка на принципы, заложенные при создании НАТО 60 лет назад, при формировании архитектуры и планов применения совмещенной ПРО, нацеленной на противодействие ракетным угрозам XXI века. Такая система должна функционировать в автоматическом режиме и без вмешательства «суверенных» пунктов управления находить оптимальные решения по перехвату атакующих ракет теми средствами, которые в данный момент наиболее эффективны вне зависимости от принадлежности.

В условиях сложной переговорной ситуации первыми шагами в организации сотрудничества вполне может быть разработка и согласование архитектуры интегрированных информационных систем. В этом направлении в самое последнее время выполнен значительный объём исследований в рамках проектов ИМЭМО РАН – NTI, ИМЭМО – Институт Брукинга. Специально по этой теме весьма интенсивно работает Евроатлантическая инициатива в области безопасности – EASI (EАСИ), в которой участвуют эксперты от России, США, Канады и ряда европейских государств, в том числе входящих в НАТО.

В документе под названием «Противоракетная оборона: к новой парадигме», подготовленном в рамках Евроатлантической инициативы в области безопасности Рабочей группой по ПРО, состоящей из неправительственных экспертов из России, США и других стран-членов НАТО, изложены основные принципы и характеристики, на которых может быть основан подход к сотрудничеству в сфере ПРО. В

документе также показано общественное значение такого сотрудничества и выявлен его вклад в дело выработки стратегических целей формирования общего пространства Евроатлантической безопасности. Как считают эксперты Рабочей группы, первоочередным шагом на пути к сотрудничеству в области ПРО должно стать создание Центров сотрудничества, осуществляющих обмен информацией и данными от спутников и радаров, работающих в реальном масштабе времени с целью предупреждения о ракетном нападении. В числе приоритетных задач ими также было названо возобновление совместных командно-штабных тренировок по ПРО. При этом они предлагают расширение масштабов учений до таких, которые позволяли бы осуществлять защиту Европы от баллистических ракет средней и промежуточной дальности (до 4500 км).

В целом у авторов этого проекта сложилось достаточно устойчивое представление об архитектуре совместной европейской ПРО и необходимых первоочередных шагах. В эту архитектуру, помимо систем и средств предупреждения о ракетном нападении России и США, целесообразно включить вполне современные и высокоэффективные радары российской системы ПРО А-135 «Дунай-ЗУ», «Дунай-ЗМ» и «Дон-2Н», которые обеспечивают обнаружение баллистических целей на расстоянии до 6 тысяч км, их сопровождение и наведение противоракет, а также американские радары ПРО, планируемые для базирования в Европе. При обсуждении в ИМЭМО РАН вопросов сотрудничества по ПРО с экспертами из США американские специалисты предложили рассмотреть возможность строительства в Восточной Сибири по американской технологии нового радара СПРН с ориентацией на Северо- и Юго-Восток и совместно его эксплуатировать. В России эти ракетоопасные направления в настоящее время прикрыты недостаточно. Однако такого рода проект без должной транспарентности может вызвать серьезные военно-политические обеспокоенности и озабоченности со стороны восточного соседа России – КНР. Поэтому он может быть реализован лишь в случае адекватного информирования китайской стороны о его безопасности для СЯС КНР и нацеленности на мониторинг ракетных угроз со стороны нестабильных режимов (КНДР, Пакистан).

Вместе с тем, учитывая трудности ведущихся консультаций по форматам сотрудничества, в качестве ближайшего шага следует безотлагательно реанимировать проект ЦОДа, хотя бы в соответствии с первоначальным планом. В последнее время появились предложения о формировании не общего физического ЦОДа, а виртуального, с тем, чтобы избежать возникших ранее препятствий.

В физическом ЦОДе Россия и США предполагали назначить своих руководителей (по 1 чел. от России и США) и их заместителей (Россия – 2 чел., США – 1 чел.), которые обладали бы равными правами в обеспечении руководства деятельностью ЦОД. Руководители ЦОД должны были бы осуществлять совместное

повседневное руководство деятельностью ЦОД и нести совместную ответственность за выполнение задач. Эксплуатация ЦОД должна осуществляться совместно оперативным персоналом России и США, прошедшим специальную подготовку (от России и США по 12 чел.: 6 расчетов по 2 чел.). Обслуживание предполагалось осуществлять персоналом России и США, отвечающим за состояние технического оборудования (Россия – 4 чел., США – 2 чел.). Охрана и обслуживающий персонал должны были обеспечиваться Россией (62 чел.).

При формировании виртуального Центра на территории России на командном пункте СПРН или Национального центра по уменьшению ядерной опасности (НЦУЯО) и на территории США в выбранном месте должны быть образованы национальные дежурные смены, задачей которых стал бы обмен информацией. Российская дежурная смена передает американской дежурной смене санкционированную информацию об обнаруженных пусках ракет с задержкой, измеряемой единицами минут. Поступающая в дежурные смены информация необязательно должна очищаться от всех ложных тревог, поскольку для систем ПРО лучше принять ошибочную информацию, чем допустить пропуск реальных ракетных пусков.

К преимуществам виртуального Центра можно отнести уменьшение требуемых каналов связи за счет исключения связей между аналитическим отделом и единым Центром, а также повышение оперативности поступления данных за счет сокращения звеньев цепочки их передачи. К недостаткам виртуального Центра относятся, во-первых, передача информации через открытые каналы Интернета, при этом придется решать задачу ее защиты. Во-вторых, это необходимость программно-аппаратного сопряжения российской и американской частей виртуального Центра. Перед началом функционирования виртуального Центра следует выполнить цикл дополнительных совместных исследований для решения программных и аппаратных задач. Вместе с тем, по совокупности плюсов и минусов виртуального Центра с точки зрения надежности получаемой информации и исключения недоразумений, лучшим вариантом представляется все-таки реанимация согласованного ранее проекта ЦОД.

Важнейшим направлением сотрудничества следует считать безотлагательное возобновление прерванной серии совместных компьютерных учений России с США и НАТО по ПРО ТВД с последующим расширением этих учений за пределы театра военных действий. В формате Россия – США в период 1996 – 2006 гг. проведены пять компьютерных тренировок по ПРО ТВД поочередно в России и США. В 2003 – 2008 гг. проведены четыре тренировки в формате Россия-США-НАТО (в Колорадо, Голландии, Москве, Мюнхене). В дальнейшем планировалось проработать возможность проведения практических учений на российской полигонной базе с

реальным применением зенитно-ракетных комплексов С-300 и «Пэтриот». Необходимо возродить это направление сотрудничества, которое заморожено с 2008 г.

Важно вернуться к этой практике, благодаря которой был достигнут определенный успех в отработке понятийного аппарата, связанного с решением задач ПРО, и совместимости информационных систем и средств перехвата. Перерывы в таких учениях и аналитической работе приводят к утрате накопленного опыта вследствие ухода специалистов, потери контактов и появления новых технологий. При этом целесообразно проведение совместных исследовательских работ для перехода от компьютерных учений к полноценным командно-штабным тренировкам, а в дальнейшем – к применению реальных противоракетных систем России и США на полигонной базе, как это планировалось на последних учениях в формате Россия – США/НАТО в Мюнхене.

Перед началом реализации этих двух направлений необходимы совместные предпроектные исследования и экспертные консультации специалистов России, США и других стран-членов НАТО.

Заключение

Проблемы и препятствия на пути формирования полноценного сотрудничества России и США/НАТО в построении европейской и глобальной системы ПРО связаны, прежде всего, с политическими факторами, влияющими на позиции обеих сторон. Это обусловлено сохраняющимся избыточным недоверием сторон вследствие живучести до сих пор политико-психологических и концептуальных рудиментов «холодной войны».

Принимая во внимания эти обстоятельства, следует реально учитывать среднесрочные и долгосрочные тенденции в военно-стратегической сфере. Добиться от США нового Договора по ПРО не представляется возможным. Предвосхищая действия администрации Б. Обамы в области ПРО, республиканцы при ратификации Пражского договора 2010 г. «О мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений», добились включения в резолюцию о совете и согласии Сената целого раздела, посвященного недопущению каких-либо ограничений на систему противоракетной обороны США. В этом контексте отдельно были упомянуты все стадии «Поэтапного адаптивного подхода» и подчеркнуто, что дальнейшее ограничение потенциала противоракетной обороны не отвечает интересам национальной безопасности США. Поэтому добиться от США ограничений на технические характеристики перехватчиков, а также на их количество маловероятно. Однако компромисс по ограничению на размещение противоракет дальнего радиуса действия и радиолокационных станций обнаружения и сопровождения в определенных районах европейского континента, при наличии политической воли и искреннего желания США и европейских стран НАТО развивать партнерские отношения с Россией, может состояться. Тем более, что речь идет об ограниченном числе таких районов, находящихся в непосредственной близости от наших границ. Формой фиксации такого компромисса могло бы стать либо двустороннее российско-американское заявление на высшем уровне, либо декларация СРН (по типу Римской декларации 2002 г.) опять же на высшем уровне.

Россия крайне заинтересована в получении политико-правовых гарантий того, что противоракетные системы США и НАТО не ослабят эффективность российских сил ядерного сдерживания, подорвав тем самым стратегическую стабильность. Такие гарантии необходимо закрепить в обоюдной договоренности о ненаправленности потенциала систем ПРО США/НАТО и России друг против друга. В этом позиция российского руководства полностью оправдана – такой документ снял бы целый ряд опасений и вывел бы взаимное доверие на качественно новый уровень. Общее понимание ненаправленности может быть зафиксировано в виде четких военно-технических и географических

критериев, позволяющих оценивать влияние противоракетных программ сторон на стратегическую стабильность, подтверждать их ограниченный характер и соответствие параметров стоящих на вооружении у сторон систем ПРО заявленным целям противодействия ракетным угрозам от третьих стран. Подобное соглашение создало бы политико-правовой фундамент дальнейшего развития сотрудничества в этой сфере. Хотя, как было указано выше, в 2011-2012 гг. подписание такого соглашения затруднено политическими факторами и, прежде всего, избирательной кампанией в США, в перспективе 2-3 лет такое соглашение вполне может быть заключено.

Тем не менее, сотрудничество следует развивать вне зависимости от того, когда будет достигнуто подобное соглашение. Сомнения российской стороны, опасаясь того, что согласие приступить даже к первым шагам сотрудничества в информационной сфере даст основания для США/НАТО развёртывать в дальнейшем ПРО в Европе без учёта интересов России, вряд ли состоятельны. Тем паче, что альтернатива такому негативному сценарию, если он будет реализован, ещё хуже: США/НАТО будут развёртывать европейскую и глобальную ПРО вообще без оглядки на Россию. Российское участие даже в информационной сфере в обозримой перспективе позволит согласовать и предотвратить некоторые нежелательные элементы в архитектуре ЕвроПРО, например, ограничить количество и районы патрулирования кораблей ПРО стран НАТО в северных морях. Тем более, что для защиты северных государств-членов Альянса от баллистических ракет средней дальности им целесообразно находиться в непосредственной близости от береговой черты этих государств или даже в базах.

При принятии в России политического решения о сотрудничестве в сфере ПРО целесообразно было бы учитывать следующие обстоятельства:

Во-первых, сотрудничество способно сыграть решающую роль в продвижении реального стратегического партнерства двух ядерных сверхдержав – России и США – и ведущих европейских стран-членов НАТО, поскольку будет распространяться и на другие сферы безопасности, способствовать наполнению реальными программами предлагаемой президентом России новой архитектуры евроатлантической безопасности.

Во-вторых, отсутствие такого сотрудничества при реализации в одностороннем формате США/НАТО плана администрации Б. Обамы по строительству ПРО в Европе неизбежно вызовет очередной противоракетный кризис между Россией и Западом по мере приобретения системами, включенными в эту ПРО, стратегического потенциала.

В-третьих, несмотря на уже принятые официальными членами «ядерного клуба» жесткие и отработанные меры по предотвращению несанкционированных или случайных одиночных стартов ракет,

сто процентной гарантии их исключения нет. Это в еще большей степени относится к другим, уже существующим и потенциальным ракетно-ядерным странам. Поэтому защита от подобных инцидентов вполне оправданна.

В-четвертых, как показывает исторический опыт, отношения с нестабильными государствами и радикальными режимами могут быстро меняться к худшему, и ныне невраждебный ракетный и ракетно-ядерный потенциал той или иной третьей страны может превратиться в реальную угрозу национальной безопасности России.

В-пятых, даже если Иран, Пакистан и КНДР не станут противниками России, в перспективе имеющийся и развивающийся ракетно-ядерный потенциал этих стран может дестабилизировать региональную и глобальную обстановку. Это также может вызвать цепную реакцию распространения ракетно-ядерного оружия (Саудовская Аравия, Сирия, Турция, Египет, Япония, Южная Корея, Тайвань), что неизбежно породит новые ракетные опасности и для России.

Есть и ещё одно важное обстоятельство. Декларируемая цель американского плана ПРО в Европе – защита от иранских ракет. Но нельзя полностью исключать того, что иранская ракетно-ядерная угроза может быть нейтрализована различными сценариями, которые здесь не анализируются. Это, однако, не должно стать основанием для прекращения сотрудничества, которое вполне может быть инвариантным по отношению к ракетным угрозам. В политической сфере такого рода сотрудничество может создать организационную основу для совершенствования режимов нераспространения ОМУ и ракетных технологий. Кроме того, в случае исчезновения потенциальных источников угроз, если в системе ЕвроПРО будет участвовать Россия, появится более существенная политическая основа для инициатив по свертыванию либо ограничению реализации завершающих стадий «Поэтапного адаптивного подхода» США/НАТО. Как полноценный участник процесса Россия сможет более эффективно настаивать на следовании принципу адекватности ответа угрозе.

Противоракетная оборона в течение более чем четырёх десятилетий оставалась важнейшей сферой стратегического соперничества во взаимоотношениях СССР/России и США. В новых условиях при достаточном благоразумии и твердой политической воле она могла бы стать не менее важным стимулом консолидации усилий в противодействии глобальным вызовам безопасности. Это может иметь решающее значение для трансформации взаимного ядерного сдерживания, бесполезного в новой системе военно-политических и политико-экономических отношений, в новую модель – взаимной ядерной безопасности.

Сотрудничество по ПРО, в случае его успеха, послужит и наполнению реальными программами других сфер безопасности, может стать мощным политико-психологическим фактором,

способствующим претворению в жизнь «Партнерства ради модернизации» между Россией и ЕС.

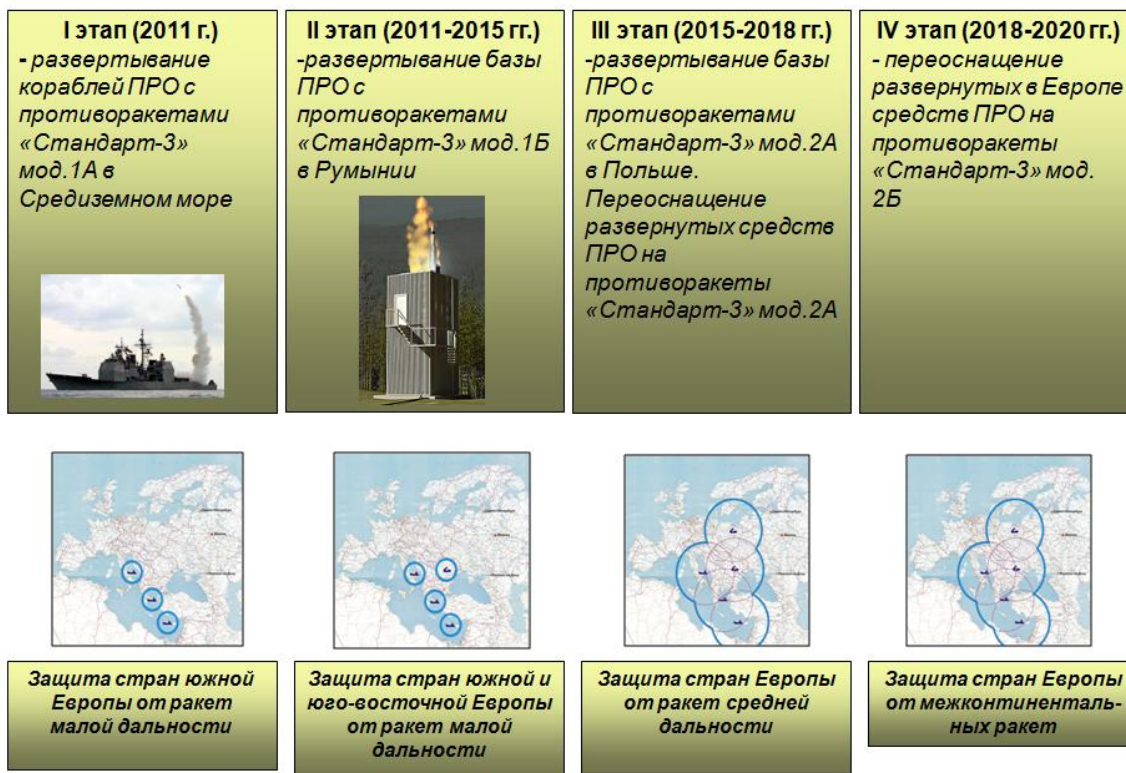
Если линия на сотрудничество в области ПРО потерпит провал и строительство систем ПРО будет реализовываться Вашингтоном и Брюсселем в одностороннем формате, сопровождаемом принятием Россией дополнительных мер противодействия возрастающему противоракетному потенциалу США/НАТО, это неизбежно вызовет очередной кризис между Россией и Западом. Причем он может оказаться более острым и разрушительным, чем все предыдущие, имевшие место после окончания «холодной войны», и привести к новому витку гонки вооружений, к которому Россия сейчас в наименьшей степени готова экономически и технологически. Такой негативный сценарий не отвечает национальным интересам ни России, ни США и их союзников по НАТО.

Отсутствие эффективного сотрудничества РФ и США/НАТО в сфере ПРО, а, тем более, развитие конфронтационных отношений в связи с ней, в случае возникновения реальных ракетных угроз с Юга, может из-за отсутствия слаженных совместных мер и эффективных механизмов и принципов взаимодействия по предотвращению ракетного нападения привести к катастрофическим последствиям. В таком развитии событий едва ли заинтересованы все стороны.

Учитывая неоднократно высказанную заинтересованность в налаживании и развитии полноценного сотрудничества в области ПРО руководителями России, США и европейских стран-членов НАТО, хотелось бы надеяться, что у них найдется политическая воля для того, чтобы проект создания ЕвроПРО с российским участием стал реальностью. История как двусторонних, так и многосторонних переговоров в области контроля над вооружениями знает немало случаев, когда, казалось бы, заведомо обреченные идеи, при наличии воли и устойчивой политической мотивации договаривающихся сторон и взаимной ориентации на достижение компромисса, становились реальными.

ЭТАПЫ СОЗДАНИЯ СИСТЕМЫ ПРО США/НАТО В ЕВРОПЕ

Перспективная система ПРО США

